

Сергей Пылёв

Сергей Прокофьевич Пылёв – член Союза писателей России, автор девяти книг рассказов и повестей, вышедших в Воронеже и Москве: «И будет ясный день», «Обстоятельства», «Вам бы птицами родиться», «Радужная звезда», «Сон разума», «Человек Господа», «Удар возмездия», «На чистую волю», «Божьи искорки». Публиковался в журналах: «Подъём», «Берега», «Север», «Волга – XXI век», «Сура», «Гостиный дворъ», «Москва» – с повестями «Гололёд среди лета», «Никишин сад», «А за окном – человечество», «Опыты Луизы над Монтенем», «Матушка» и др. Лауреат премии «Кольцовский край» за книгу «Божьи искорки», изданную Сретенским монастырём в 2017 году, дипломант журнала «Берега» за 2017 год. Награждён медалью общественного Совета ВДВ России «За верность долгу

и Отечеству», медалью «Василий Шукшин». Живёт в Воронеже.

МОЙ КОСМОС

Рассказ

Когда кто-то говорит, что все мальчишки после полёта Гагарина мечтали стать космонавтами, я не знаю, что ответить. Сам я, конечно, мечтал. Это точно. И ещё семь пацанов вместе со мной мечтали: мы даже занимались в клубе юных космонавтов воронежского областного Дворца пионеров.

За свою почти трёхвековую историю этот дворец кому только не служил. В его ампирных стенах поначалу жили известные своей благотворительностью купцы Нечаевы, позже в нём обосновался Юфуд Айваз, коему принадлежала фабрика курительного табака, и, наконец, в него въехал городской врач Сергей Васильевич Мартынов, дворянин, писатель и народоволец, позже, после убийства террористами царя Александра II, заточённый в Петропавловскую крепость.

После Великой Отечественной этот провинциально-дворцовой наружности дом восстановили и реконструировали в духе «сталинского конструктивизма». С тех пор он стал пристанищем для радостных и очень шумных пионеров, членов самых разных кружков, включая театральный, судомодельный, радиотехнический, юных натуралистов, песни и пляски и так далее. Мы же, клуб юных космонавтов, приземлились в сложившийся годами коллектив Дворца пионеров, как снег на голову. Будто некие инопланетяне. Скажем, вроде марсиан Герберта Уэллса из его «Войны миров».

С одной стороны, мы были тогда самым передовым кружком, с другой – чужаки, от которых неизвестно чего можно ожидать. Никто нас с Гагариным не ассоциировал. Персонал Дворца денно и ночью с неусыпной настороженностью поглядывал в нашу сторону. Особую бдительность, конечно же, проявлял неопределённого возраста суровый одноглазый пожарник дядя Петя. А как вдруг нам придёт в голову с крыши Дворца запустить ракету, скажем, на Марс? Так что он у всех пацанов строго проверял карманы на наличие спичек и тотчас те реквизирует. Сигареты тоже. В отношении нас он в этом плане был особенно усерден.

Мы же пока просто мечтали. Вернее, мы взахлёб мечтали о Космосе! Но я, честное слово, мечтал о нём ярче, чем все остальные члены нашего клуба космонавтов вместе взятые. Возможно, сказывалось, что я был сыном военного лётчика. И моё ещё недавнее восторженное желание полноправно сесть пилотом в кабину боевого истребителя стало самой благодатной почвой для нового желания – вместе с «караваном ракет» помчаться от «звезды до звезды» в бесконечность Вселенной. Где я героически оставлю свои следы «на пыльных тропинках» одной из «далёких планет», скажем, в той же галактике Андромеда.

Почему именно там, когда их, галактик, мириады мириадом в просторах, рождённых Большим взрывом? В этом, признаюсь, виноват писатель Иван Ефремов и его более чем популярный тогда роман «Туманность Андромеды».

Не знаю почему, но я читал эту книгу по ночам под одеялом с помощью трофейного немецкого многоцветного фонаря «Даймон». Правда, сегодня я её содержание толком не помню. В памяти с той поры осталось лишь одно, как я однажды под одеялом стыдливо, тычком поцеловал сухими напряжёнными губами романтично красивое лицо Низы Крит, астронавигатора, изображённое на обложке книги в ореоле звёздной россыпи. Возможно, от этой моей зачаточной влюблённости шла прямая дорога к моей будущей самозабвенной любви к Космосу.

Кстати, заразился я ей на четыре года ранее полёта Гагарина, когда осенними вечерами выходил из дома в сад взволнованно встречать пролёт первого спутника Земли. И бдительно следующей за ним по пятам, как на привязи, последней ступени ракеты-носителя.

Итак, 12 апреля 1962 года. СССР первый раз празднует День космонавтики. Мы, семеро смелых, стоим навтыжку на лужайке Дворца пионеров, украшенного на входе строгими колоннами – их массивные длинные стержни волнующе напоминают нам приготовившиеся к старту космические ракеты. Они как бы ждали, когда мы пройдём курс юного космонавта и будем готовы занять свои места в их креслах-катапультах, загадочно называвшихся ложементами.

Руководитель нашего звёздного клуба старшая пионервожатая Зоя Максимовна Терешкова, кстати, вовсе не родственница будущей первой женщины-космонавта, торжественно вытянулась, чуть поднявшись на цыпочки возле металлического флагштока. На ней торжественно белая, слепящая под солнцем блузка и яркий, пылающий алый галстук, похожий на счастливую гордую птицу. Когда я, как самый отличившийся на спортивных тренировках, приступил к поднятию по флагштоку стяга с портретом Гагарина, Зоя Максимовна радостно вскрикнула:

– Пионеры! К борьбе за дело Коммунистической партии будьте готовы!

– Всегда готовы!!! – залпом проорали мы. На грани школярного хулиганства.

И при этом бодро отсалютовали вскинутой правой рукой. В этот момент обязательно надо, чтобы её, руки, напряжённые пальцы были чуть выше головы. Как символ того, что общественные интересы у тебя выше личных.

Кстати, у Юрия Алексеевича во время его полёта был позывной «Кедр», а мы тайком между собой стали называть нашу замечательную Зою Максимовну «Аэлитой». Тогда не было мальчишки, который бы не посмотрел раза три, а то и более того кино с таким названием, поставленное по фантастическому роману Алексея Толстого. Я смотрел пять раз. Нет, даже шесть!

Когда стяг взлетел, мы дружно запели про караваны ракет, которые помчат нас «от звезды до звезды». Пели мы, честное слово, плохо. Даже хуже, чем плохо. Поэтому у некоторых прохожих явно складывалось впечатление, что в клуб юных космонавтов принимают самых бесталанных ребятишек. У Аэлиты от такого нашего неудачного пения щёки всегда становились одного цвета с её образцово-показательным пионерским галстуком.

Помнится посейчас, что мы пели эту первую в СССР космическую песню с ещё не вычеркнутыми из неё словами «Давайте-ка, ребята, закурим перед стартом». В устах пионеров это, конечно, звучало реально забавно. Кстати, уже вскоре распоряжением свыше «закурим» заменили на нелепое «споемте перед стартом», словно наших героических космонавтов готовили в каком-нибудь самодеятельном ансамбле песни и танца типа молодёжной «Берёзки» нашего Дворца пионеров.

Кстати, мы уже тогда знали, что Воронеж к полёту Гагарина причастен напрямую, и нашей радости не было предела. Хотя говорить об этом открыто никто не смел. Это тогда был секрет особой государственной важности. А заключался он в том, что на одном из наших «почтовых ящиков» спроектировали и изготовили под руководством знаменитого учёного Семёна Косберга двигатель третьей ступени для ракеты-носителя «Восток». Именно она и доставила на орбиту корабль с Юрием Гагариным.

– Кто из вас не купался вчера или сегодня утром? – после поднятия стяга прозаично проговорила наша любимая Аэлита.

Оказывается, нам в тот день предстояло участвовать в одном очень важном и ответственном мероприятии. В полдень в городе на центральной площади Ленина должен был состояться парад, посвящённый Дню космонавтики.

– Я не купался ни вчера, ни сегодня. У нас газовая колонка сгорела... – проговорил я таким голо- сом, словно озвучил сам себе смертный приговор.

Сейчас следом должны были ударить мои крупнокалиберные слёзы и превратить меня в полное рыдающее ничтожество.

Аэлита бдительно успела спасти моё реноме: быстро, взволнованно подошла ко мне и, пристально оглядев, весело объявила:

– Сойдёт! Рюжца чистая! Под ногтями грязи нет. Иди в туалет и на всякий случай хорошенько помой физиономию. И обязательно – шею. Мы едем в гости к лётчикам!

Я никогда в своей жизни так быстро не бегал в это особое заведение, как в тот день.

И нас повезли на строго-зелёном военном автобусе на военный же аэродром за городом возле леса со странным названием Дальний. Станным, потому что добраться до него можно было с последней трамвайной остановки на улице Острогжской всего за двадцать минут. Видимо, он стал Дальним, когда ещё не было ни этой самой улицы, ни аэродрома, может быть, и самого Воронежа тогда не имелось в наличии.

На аэродроме лётчики, добродушно посмеиваясь, одели нас в высотные компенсирующие ко- стюмы, то бишь ВВК. В них мы, наглухо зашнурованные, пусть и несколько отдалённо, но всё-таки напоминали настоящих космонавтов.

Аэлита восхищённо смотрела на нас. Казалось, ещё минута, и она восторженно заплачет.

А потом была главная городская площадь Ленина, и над ней ярко, оглушительно громко звучала та самая песня про оставшиеся до старта четырнадцать минут, и мы, семеро юных космонавтов, шеренгой торжественно прошли впереди праздничных колонн.

Через полчаса я стал задыхаться в скафандре.

Нас со всех сторон фотографировали, нам неистово аплодировали. Толпа воронежцев всех воз- растов ором скандировала «Га-га-рин!!!», а какая-то рыженькая школьница в белой парадной форме с большим букетом ромашек прорвалась через милицейское оцепление, подбежала к нам и стала каждому раздавать цветы. Она что-то радостное взволнованно кричала нам, захлёбываясь, но мы в ответ только глухо мычали из последних сил.

Так я недолго побыл «Гагариным».

В тот же день вечером я вдохновенно сочинил фантастический рассказ. Он поместился на двух страничках школьной тетради в линейку. Рассказ был про полёт на планету Венеру и тамошние приключения дружной компании в составе собачки, кошки и хомячка. Что двигало мной, не помню.

В общем, я самоуверенно отослал своё произведение в «Пионерскую правду».

А через несколько недель увидел его напечатанным на первой полосе этой тогда самой моей любимой газеты. Ещё и с рисунком к нему, забавно изображавшим моих смелых и весёлых зоо- космонавтов.

Я, не откладывая, увлечённо поставил на поток производство словесных космических одиссей, но ни одна из них больше не увидела свет в «Пионерской правде». Хотя моя любовь к этой газете нисколько не уменьшилась.

Вскоре наш учитель физики Александр Александрович Лепендин, высокий, худощавый и весь какой-то бодро-скоростной, объявил, что нам предстоит на его уроке написать сочинение на вольную тему «В какую галактику я хотел бы полететь вместе с Юрием Гагариным?».

И мы всем классом азартно заскрипели двухкопеечными железными блескучими перьями наших ручек, время от времени усердно тыкая ими в чернильницы-«непроливайки».

Само собой, я полетел с Юрием Алексеевичем в галактику Туманность Андромеды. С нами, между прочим, была... Да-да, астронавигатор Низа Крит и Иван Ефремов собственной персоной.

Через два дня на уроке в кабинете физики донельзя торжественный Александр Александрович, магически окружённый всевозможными загадочными приборами, которые нам ещё только предстояло изучать, не своим от волнения голосом объявил, что моё сочинение среди всех самое лучшее.

– Поздравляю! Молодца!!! – сияя, восторженно проговорил наш «физик», тоже, оказывается, большой почитатель творчества Ивана Ефремова.

Он взволнованно зачитал моё сочинение вслух. Это была история про то, как в далёком буду- щем Чистильщики Вселенной прилетят к заброшенной безжизненной планете на окраине галактики

Млечный Путь, чтобы уничтожить её как ненужный и опасный космический мусор. Солнце погасло миллиарды лет назад. Но когда Чистильщики узнают, что эта планета – Земля – прародина всех нынешних народов Вселенной, то они единогласно решат отбуксировать её к молодой звезде и остаться жить на ней, обустроив её.

Два дня Александр Александрович водил меня по всем классам и я, краснея, сбиваясь, старательно читал своё сочинение. Учитель физики каждый раз, как впервые, восхищался моим, так сказать, произведением, и первым начинал хлёстко аплодировать мне.

Один раз старшеклассники даже бросились меня качать, только ничего хорошего из этого не вышло. Я уже тогда весил достаточно прилично.

А вскоре и вообще моя, если так можно сказать, дружба с учителем физики приказала долго жить. Вдохновлённый публикацией в «Пионерской правде» и триумфом сочинения на вольную тему, я решил осчастливить человечество ещё и великим открытием.

В общем, как-то после звонка на перемену я подал Александру Александровичу альбом для рисования, в котором мы на известном уроке цветными карандашами или акварельными красками изображали вазы, фрукты, птиц и много чего прочего. Так вот, среди этого «много чего прочего» у меня в основном присутствовали звёзды, галактики, жители других планет и наши герои-космонавты Гагарин и Титов. Само собой, оба в скафандрах и гермошлемах с затемнёнными забралами, потому что правильно рисовать лица и фигуры людей я тогда не умел. Между прочим, и сейчас тоже.

На одной из страниц альбома мной был изображён сигарообразный звездолёт с гигантским круглым парусом на конце. Двигателем ему должно было служить давление множества световых лучей, излучаемых прикреплёнными сзади лазерными излучателями.

– ЭТО не полетит, – строго сказал Лепендин. – Оказывается, ты плохо слушал меня на уроках? Учти, я поставлю тебе двойку за твой нелепый проект, нарушающий все законы физики!

Двойку он не поставил, но с того раза потерял ко мне прежний интерес.

Как-то очередной весной на волне близящегося Дня космонавтики нас ни с того ни с сего закинуло на желании переночевать во Дворце пионеров именно в той комнате, где для астрономических занятий висел большой белый купол, похожий на маленький парашют: на него в темноте проецировалось изображение движущегося звёздного неба.

– Зачем вам это надо? Ребятки, миленькие?! – смутилась Аэлита.

И это смущение ей очень шло. Оно выразительно подчёркивало её романтическую (неземную, марсианскую!!!) красоту.

По крайней мере, я этот факт смущённо отметил.

Кажется, в плане красоты наша Аэлита превзошла даже прекрасного астронавигатора Низу Крит.

Мы понуро стояли перед Зоей Максимовной и настырно, по-щенячьи ныли, выпрашивая разрешение.

И сложилось. Как бы теперь сказали, срослось. Она так-таки пошла к директору Дворца пионеров. Что говорила ему Аэлита, само собой, осталось загадкой. Однако провести одну ночь под звёздным куполом «в целях углубления астрономических знаний» нам разрешили.

Мы пришли в тот день ко Дворцу пионеров загодя, часов в шесть. Пришли, как на свидание со Вселенной.

До назначенных десяти вечера мы сидели на той самой лужайке с флагштоком и гагаринским стягом. Правда, тамошняя обстановка оказалась не совсем способствующей космической романтике. Рядом за забором танцевальная площадка давала жару своим «живым» надрывным оркестром, шарканьем танцующих и время от времени криками дерущихся или только ещё собирающихся драться парней, разгорячённых модной музыкой, улыбками загадочных девушек и крепким портвейном «Солнцедар».

«Заправлены в планшеты космические карты, и штурман уточняет последний раз маршрут...»

Ровно в двадцать два часа ночная дежурная Дворца Клавдия Ивановна, махонькая, с лицом в глубоких судьбийно-мудрых морщинах и, ко всему, никогда не выпускавшая изо рта папиросину «Беломора», пропустила нас внутрь. Пересчитывая юных космонавтов ласковым хлопком сухонькой ладони по спине. При этом выражение её лица было такое значительное, словно она провожала нас в настоящее космическое путешествие. Однако стоявший у неё за спиной пожарник дядя Петя, очень даже нетрезвый и чрезмерно бдительный, явно видел в нас отвязных пироманов.

Мы тогда знать не знали, что он служил на Байконуре и лишь чудом выжил, когда там за год до полёта Гагарина взорвалась при старте межконтинентальная ракета.

Вот щёлкнул дважды ключ, оставив нас наедине с торжественным куполом – миниатюрной копией бесконечной Вселенной.

Мы расселись на стулья и первое время вдохновенно бродили взглядами по бескрайним просторам искусственного звёздного мира, словно искали там объект для своего будущего полёта. Потом поспорили, кто больше всех найдёт созвездий, которые знает. В итоге выяснилось, что, как ни старалась нас просветить в астрономии Аэлита, дальше Большой и Малой Медведицы знания будущих космонавтов не распространялись. Я, правда, мог добавить к этому куцему списку созвездия Кассиопеи, Лебедя и Лиры, которые уверенно помнил, но почему-то предпочёл промолчать.

Кстати, на полу под куполом для нас были постелены принесённые из спортзала новенькие маты. В конце концов, мы, пообвыкнув к жизни под звёздами, поудобней разлеглись на них и стали рассказывать друг другу, кто какие помнил сюжеты из фантастических книг про Космос.

Через полчаса, если не раньше, все мы благополучно спали. Как выяснилось утром, сны наши вовсе не были космическими.

Последним мероприятием клуба юных космонавтов стала наша встреча с «живым» космонавтом. В Воронеж тогда на пару дней приехал наш земляк, научный сотрудник-космонавт и Герой Советского Союза Константин Петрович Феоктистов. Трудно предположить, кто мог уговорить его согласиться на встречу с пацанами-мечтателями. Могла ли этого добиться наша Аэлита, так и осталось для меня навсегда тайной за семью печатями.

Как бы там ни было, в назначенный день и час нас строим, под бравый барабанный перестук и трескучие вопли горна, привели в областной краеведческий музей. Юных космонавтов рассадили в зале, посвящённом жизни древних людей на воронежской земле. На стенах висели мощные луки, увесистые дубинки и разящие дротики, а на просторных дубовых столах возвышались макеты поселений эпохи ранних кроманьонцев.

Мы ёрзали на стульях в ожидании Феоктистова достаточно долго. Более чем долго. Начали, наконец, понемногу дурачиться, строить друг другу рожицы, изображая из себя древних охотников и рыболовов. А когда кому-то из наших пришла в голову мысль объявить себя Мамонтом, мы, не откладывая, начали на него коллективную охоту. Антураж зала очень даже тому способствовал.

Вдруг вошёл Константин Петрович. Стремительный, усталый, как бы несколько непонимающий, зачем он здесь. И вместе с ним в этом зале древностей, как мне показалось, распространился, наполняя всё собой, запах Космоса: с лёгким холодком, строгий и бесконечный. Возможно, это был запах одеколона Феоктистова, но тогда мне это и в голову не пришло.

В моей памяти навсегда отчётливо осталось выражение лица Константина Петровича: удивительно умное, сосредоточенно-деловитое, с тихим, но насквозь проникающим взглядом. Казалось, для этого человека во Вселенной и на Земле нет тайн, в которые бы он не был посвящён. Кстати, мы тогда ещё ничего не знали о его судьбе военного разведчика в Великую Отечественную.

– Здравствуйте... – это всё, что успел сказать Константин Петрович.

Я никогда не слышал такого вежливого, сердечного и деловитого голоса.

Как бы там ни было, мы тотчас с дико счастливым ором и верещанием всей ватагой ошалело ринулись на Феоктистова.

Он машинально вскочил на один из здешних столов с макетами древнего быта и охоты.

– Дети! Милые. Успокойтесь! – мягко попросил он.

Кто бы его слышал?!

Мы вцепились в полы пиджака космонавта, но вовсе не затем, чтобы немедленно разорвать тот на драгоценные сувениры. На самом деле нам просто отчаянно, до умопомрачения хотелось дотронуться до Константина Петровича.

Тут толпой вбежали растаскивать нас экскурсоводы, зрители и уборщицы. Возможно, среди них были даже сотрудники тогдашнего КГБ.

Константин Петрович одновременно печально и в то же время радостно смотрел на нас. В конце концов, суетливо-бдительные сотрудники музея, цепко схватившись за руки, героически организовали некое подобие коридора. Феоктистов смущённо прошёл по нему, на ходу налево и направо сердечно пожимая наши всё ещё судорожно тянувшиеся к нему руки.

– Извините, извините... Будьте счастливы, ребята! До встречи в Космосе! – на ходу говорил Феокистов.

Я с ним случайно встретился взглядами. Мальчишка и космонавт.

– Будь счастлив! – сказал он и мне. Лично мне.

«Буду, Константин Петрович, зуб даю!» – мысленно вскрикнул я.

И пустил слезу. Счастливая, разрозовевшаяся красавица Аэлита заботливо обняла меня. Кажется, она тоже плакала. Само собой, от небывалого счастья.

С тех пор я знаю, как пахнет Космос. Константин Петрович тогда принёс его с собой в тот музейный зал древностей. Я поныне иногда слышу его даже через толщу земной атмосферы. Когда ночь на моей даче выдаётся густозвёздная.

После такой чересчур восторженной встречи с героем-космонавтом наш клуб закрыли, а Зою Максимовну уволили с работы. Я уверен, что Константин Петрович об этом не имел ни малейшего понятия, а инициатива такого жёсткого решения исходила из недр особо бдительных структур.

Нам всем было очень жаль расставаться с Аэлитой.

Мне больше никогда не довелось её встретить. Возможно, она вернулась на свой родной Марс?..

...Через несколько лет после выпускных экзаменов в одиннадцатом классе я объявил родителям, что моя мечта стать космонавтом вовсе не детское увлечение и что завтра я иду в военкомат писать заявление с просьбой направить меня на учёбу в училище, готовящее лётчиков-истребителей.

Папа как раз перекусывал перед обедом. Перекус его состоял из чёрного хлеба и майонеза, недавно впервые появившегося в СССР в свободной продаже и сразу весьма понравившегося ему. Меня же от этого тягучего масляно-белого майонеза почему-то подташнивало.

Папа старательно облизал ложку, промокнул губы ломтиком ещё тёплого хлеба с румяной глянцево-корочкой и тихо сказал:

– Какой у тебя рост, сынок?

– А при чём это?! – чуть ли не заносчиво проговорил я.

– И всё-таки?.. – мягко вздохнул папа.

– Метр семьдесят пять! – гордо объявил я.

– И ты, кажется, занимался в клубе юных космонавтов?

– Да! У меня диплом есть. С печатью Дворца пионеров.

Папа задумчиво вздохнул:

– Сохрани его. Обязательно. Для будущих своих детишек. А теперь скажи мне, какого роста был Юрий Алексеевич Гагарин.

Я знал о Космосе немало. По сравнению с одноклассниками, так даже очень много. Это, кстати, их очень восхищало. Я видел, что учителям и ребятам тоже очень хочется, чтобы я стал космонавтом. Они словно чувствовали, что я рождён для полётов в Космос, и желали мне всего хорошего на этом звёздном пути.

Однако рост Гагарина я не знал.

– Метр пятьдесят три, – вздохнул папа. – У Титова – метр семьдесят пять.

– Ну и что?! – взволнованно отозвался я.

У папы, кажется, совсем испортилось настроение. Он даже майонез недоеденный отставил.

– Прости, сынок, мне выпала нелёгкая миссия. Я сейчас на раз-два разрушу твою прекрасную мечту детства. И как тебе это никто раньше не объяснил? Тебя с твоим ростом даже в бомбардировочную авиацию не возьмут, а не то что в истребители. А в космическом аппарате куда ты свои волейбольные ходули денешь?

Странно, однако я тогда почему-то воспринял спокойно крушение корабля моей звёздной мечты. Наверное, потому что сознание у меня спасительно отключилось. Иначе со мной была бы истерика. В таком состоянии умственной невесомости я пребывал достаточно долго.

«Земля в иллюминаторе, Земля в иллюминаторе, Земля в иллюминаторе видна...»

В общем, я в итоге отнёс свои документы в университет, и через шесть лет стал дипломированным «журналистом», а со временем редактором газеты «За кадры» Воронежского аграрного университета. И теперь вместо того, чтобы бороздить просторы Вселенной, с пробудившейся во мне на генном уровне крестьянской жилкой год от года борозжу актуальные сельскохозяйственные темы. И мне, честное слово, вполне нравится это делать. Наверное, сказалось, что все предки моих родителей были

крестьянами. Я день ото дня с удовольствием пишу о передовых достижениях в области выведения новых сортов пшеницы, выращивания наилучших сортов слив и яблок, а также борьбе с вредителями растений и передовых новинках сельскохозяйственной техники. Очень волнует меня и судьба неостановимо исчезающих пчёл.

А из прошлой моей «космонавтской» жизни во мне навсегда осталось лишь одно: любовь к звёздному небу. Да ещё когда в наш университетский Экспоцентр на ежегодную агровыставку привозят гигантские современные комбайны, они напоминают мне своими технологически совершенными формами ни мало ни много космические корабли. А также недавно к очередному Дню космонавтики я разместил в газете свой очерк о нашем выдающемся земляке Феоктистове, который стал космонавтом, хотя в детстве перенёс тяжёлое ранение в шею. В Великую Отечественную подростком во время разведки на правом берегу Воронежа, занятом фашистами, Костя был схвачен их патрулём. И расстрелян на месте. Только он выжил. Очнулся в яме ночью и, несмотря на большую потерю крови, перебрался через реку в расположение наших частей. Ещё и важные разведанные передал, ничего не забыл.

Время от времени я вижу кое с кем из одноклассников. Бывает, пересекаемся, хотя и поразбросали нас судьбы. Так вот, они почему-то при встрече всегда чуть ли не с ребяческим восторгом принимаются заикливо говорить мне одну и ту же ерунду: «Слышали, слышали про твой полёт на МКС! Говорят, ты сейчас в программе подготовки экспедиции на Луну?! (Марс, Венеру и так далее)» И это повторяется год от года. «Ничего подобного, братцы-кролики. Откуда такие слухи?» – отнекиваюсь я, что только усиливает их весёлую уверенность. «Из достоверных источников! – объявляют они. – Так что не приbedняйся. Мы гордимся тобой! Привет Вселенной!»

Ладно, эдакое с их стороны я как-то ещё мог понять и переварить. Оттягиваются пацаны. Стёб, одним словом.

Но однажды...

Так вот, никто не поймёт моего состояния, когда однажды ректор лично поручил мне написать заметку о заседании очередного учёного совета ВГАУ, назначенного на 15 сентября тогдашнего 2012 года. При этом голос его звучал весьма особенно. Я редко слышал от него такую взволнованную интонацию. В ней сошлись воедино торжественность, кипучая радость и немалая озабоченность. Вообще-то обычно я без напоминаний каждый раз информировал четырнадцатитысячный коллектив университета о вопросах, рассмотренных очередным учёным советом.

Тем не менее в тот раз в течение дня мне позвонили и в свою очередь предельно бдительно напомнили о предстоящем учёном совете первый проректор, потом проректор по науке и чуть позже председатель вузовской профсоюзной организации. Даже настоятель нашего домового Крестовоздвиженского храма отец Василий, встретившись со мной в коридоре, затронул тему предстоящего учёного совета.

Я со своей колокольни в итоге предположил, что тот, возможно, посетит сам министр аграрной отрасли России или губернатор области.

Однако жизнь, как всегда, превзошла все мои ожидания.

15 сентября на большом экране перед восторженными глазами членов учёного совета ВГАУ и приглашённых высоких гостей предстали находившиеся явно в условиях невесомости члены экипажа 32-й экспедиции на МКС: командир экипажа лётчик-космонавт, Герой России Геннадий Падалка, лётчик-космонавт, Герой России Юрий Маленченко и космонавт-исследователь Сергей Ревин. Они, плавно, едва заметно покачиваясь, словно сидели в глубокой воде, поздравили наш вуз с предстоящим вековым юбилеем. С орбиты поздравили! Ещё и пообещали привезти вымпел университета, побывавший с ними в Космосе. Дабы передать его в музей вуза. И привезли, и передали.

Так завязалась прочная дружба аграриев и космонавтов. С тех пор время от времени то космонавт Геннадий Падалка к нам приедет и встретится со студентами, то Сергей Ревин. Бывали они у нас и на празднике Масленицы. И надеюсь, не пожалели ни разу. Что-что, а с удалю праздновать аграрии умеют как никто. Как-то я даже написал в нашей вузовской газете, что причина такому нашему радушному союзу весьма, казалось бы, несхожих профессий очевидна: нас всех связывает Земля-Матушка. Космонавтам такой вывод понравился.

А не так давно после очередной бурной встречи с аграриями-студентами Сергея Ревина он сам подошёл ко мне. Сдержанно и исключительно вежливо улыбаясь с присущей ему утончённой ин-

теллигентностью, Сергей Николаевич негромко поинтересовался: «Извините, кажется, вы пару лет назад участвовали в проекте “Марс-500”?» – «С имитацией пилотируемого полёта на Марс?» – взволнованно-глухо отозвался я. «Да, да...» – мягко подтвердил Сергей Николаевич. – По-моему я вас там видел!» – «Нет-нет...» – почти отчаянно отозвался я. – «Схожесть один в один», – аккуратно улыбнулся Ревин, и тут его, напоминая мне давнюю нашу встречу с Константином Петровичем Феокистовым, захлестнул с вопросами студенческий водоворот: «Верите ли вы в НЛЮ? Можете описать, что чувствует человек в первый час полёта? Когда вы решили стать космонавтом? Какие испытания были вами пройдены?»

Мне стало немного грустно. Ревин не тот человек, который может обмануться. Вдруг у меня действительно есть двойник? И он сейчас деловито готовится к реальному полёту на Марс? А почему бы и нет? Счастливого полёта тебе, братишка!

Но есть и другой вариант. Что если настоящая мечта способна материализоваться и начать вести самостоятельную жизнь?

Эка меня занесло. Лучше «давайте-ка, ребята, закурим перед стартом».

